

Народный артист Армянской, Грузинской и Азербайджанской советских социалистических республик В. Папазян в роли Отелло.

Ваграм Папазян в Сталинграде

В культурной жизни нашего города приятное событие: приехал Ваграм Папазян.

Народный артист трех союзных советских социалистических республик, выступавший в лучших театрах Москвы, Парижа, Лондона, Рима, Брюсселя, Мадрида и других городов, блестящий мастер сцены и талантливый литератор Ваграм Папазян любим и уважаем широчайшими массами зрителей. Его гастроль в нашем городе вызвала исключительное внимание сталинградцев: зрительный зал летнего театра переполнен, выступления Папазяна проходят с колоссальным успехом.

Всеобщий восторг вызывает его знаменитый Отелло—этот превосходный шедевр в галереях мировых сценических образов. С громадной напряженностью и волнением следишь за актером. Он увлекает, захватывает тебя; невольно забываешь, что ты в театре, что декорации на сцене плохенькие и потренированные... забываешь самого себя. И только могучий мавр в красном бурнусе, его черное страстное лицо, его изумительные глаза, в которых светится то ласковая улыбка, то неугасимая ярость, то бездонное отчаяние, — вот этот Отелло стоит перед тобой. Раз увидел его, уже не можешь оторвать свой взор, весь отдаешься всепоглощающему чувству, настолько велика сила и очарование этого образа. Когда закрывается занавес, уходишь из театра восхищенный и взволнованный. И долго еще тебя преследуют огненные глаза мавра и в ушах слышишь его хриловатый напевный голос...

Об Отелло—Папазяне можно писать много, целое исследование. Самому актеру принадлежит превосходная работа об этом образе—«Отелло, каким я его вижу и играю». В этой работе, являющейся стенографической записью доклада В. Папазяна артистам иранского национального театра в Тегеране, автор говорит:

«Если в интерпретации других Отелло—ревнивый мавр, который убивает свою жену из ревности; если для других это сатрап и семейный деспот, который задыхается в крови оскорблений, нанесенных его родовой чести; наконец, если для очень многих это мозг, сожженный африканским солнцем и доходящий до преступления благодаря махинациям мерзавца, а для некоторых — экзальтированный, почти больной человек, находящийся на грани безумия, — то для меня Отелло—просто человек, который хочет получить свою долю счастья под солнцем и борется за сохранение этого счастья до самой смерти».

По образному сравнению В. Папазяна, душа Отелло—это исполненный драматизма лес, в который проникает луч чистой зари—Дездемоны. «Как только луч света падает в этот дестинированный лес,—лес начинает жить другой жизнью: пантеры скрываются в своих норах, а львы, ослепленные мощным светом, спокойно спят, скрыв безопасную нать навстречу ласкающему жару солнца... Но горе тому, кто помешает действию этого света, а потому горе и самому свету... лишь только свет угаснет,—пантеры и

львы проснутся, и примитивная душа Отелло станет отныне душой человека, захваченного горем, ибо он познал возможность иной душевной жизни и снова потерял ее».

Отелло — не ревнивец, он—просто-душен и доверчив. Его трагедия в том, что он оказывается обманутым в своих самых лучших, самых светлых чувствах. Но злоба толкает его на убийство Дездемоны, а безысходное отчаяние, из которого он не видит выхода. И когда Дездемона умирает на девственном ложе, Отелло в страшной тоске берет ее руки и обвиняет ими свою нею. «В этот момент,—пишет В. Папазян, — я чувствую, что больше я жить не могу. И самая страшная любовь, которую я когда бы то ни было чувствовал, в одно мгновение с такой огромной силой вспыхивает в моей душе, что, если бы Шекспир не захотел продолжить адские муки этого несчастного человека, не заставил его жить еще несколько минут для того, чтобы дать развязку пьесе и, таким образом, отдать моральную дань публике его времени,—я умер бы в этот момент без помощи кинжала».

Всех, кто хочет глубоко проникнуть и понять богатство души Отелло, мы отсылаем к этой работе В. Папазяна, напечатанной в его книге «По театрам мира». Но даже это замечательное описание образа Отелло не исчерпывает всего, что в нем хотелось бы сказать. Для того, чтобы по достоинству оценить Отелло—Папазяна, надо его видеть.

Что можно заметить относительно всего ансамбля спектакля? На первый взгляд, не все его участники достаточно полно ощущают прелесть шекспировской драматургии. Образ Яго, например, обрисован лишь одной краской: он коварен и только. Это неверно, Шекспир так не писал. Характеры его героев многогранны, и это легко подтвердить на примере того же Яго—коварного и умного, любящего и остроумного. Недостаточно убедителен и Кассио. При всем этом спектакль смотрится с громадным интересом, Отелло настолько хорош, что искупает все его слабые стороны.

В смысле общей сыгранности ансамбля спектакль «Базнь» сделан крепче, слаженнее. Ваграм Папазян, исполняющий роль Гола, блеснул и здесь своим педожинным дарованием. Гола—испанский матадор и артист, с большим ласковым сердцем и открытой искренней душой. — так же незабываем, как и Отелло.

Несколько слов об условиях работы ансамбля. За стеной театра во время спектакля назойливо надтрывается джаз. Его звуки проникают в зал, вызывая досаду и раздражение зрителей. Нельзя ли сделать так, чтобы этот джаз играл потише?

Очень хотелось бы увидеть В. Папазяна на лучшей сцене, чем в летнем театре. Возможности для этого у нас есть. Почему бы, например, не устроить несколько спектаклей в выходные дни театров имени Горького или Юных зрителей на их сценах? Мы думаем, что этот вопрос не должен оставаться без внимания со стороны областного комитета по делам искусств.

Ал. Филиппов.